

Борис МОРОЗОВ:

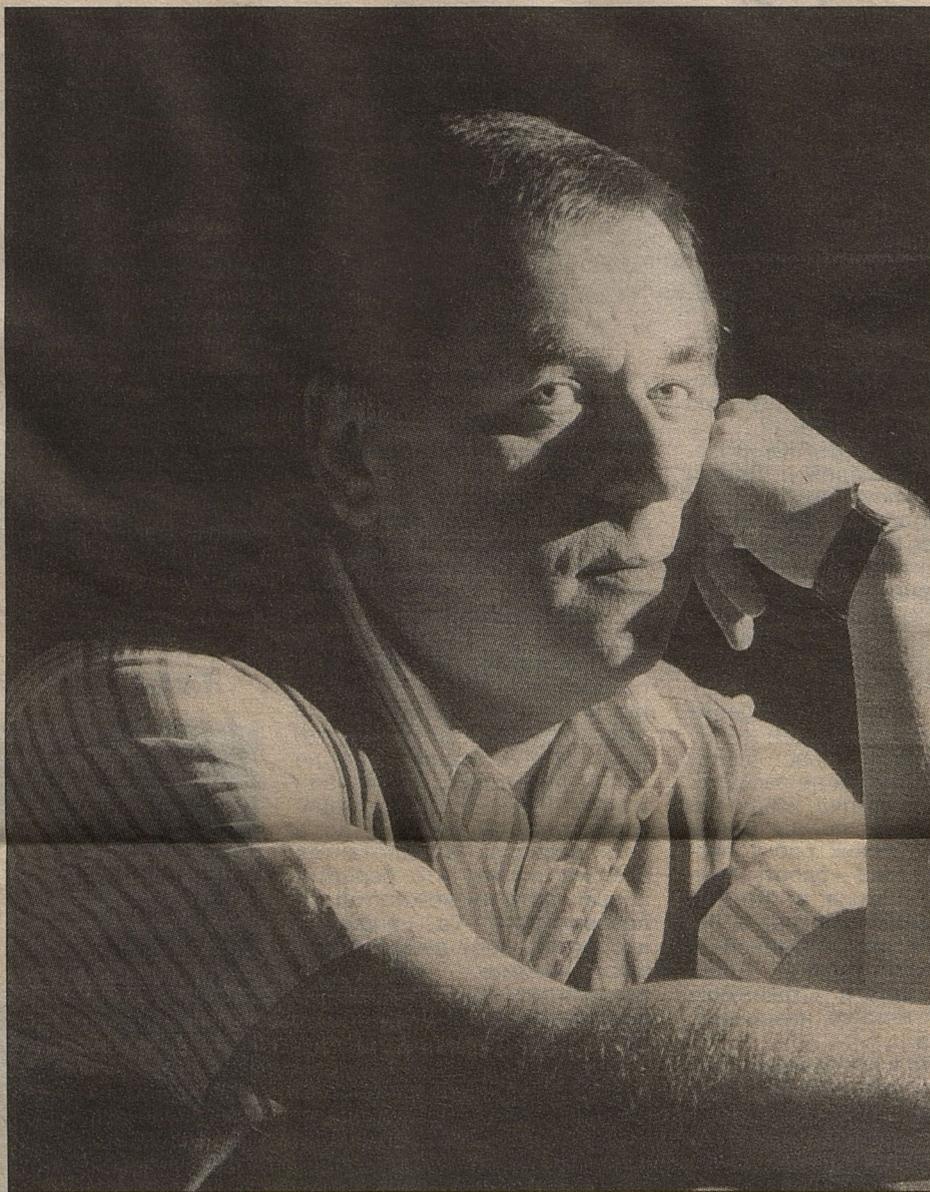
«Идея есть, осталось приложить энергию»

Спектаклем «Много шума из ничего» открыл свой 73-й сезон Центральный Театр Российской Армии, уникальный организм, в жизни которого были невероятные взлеты и полеты трудных преодолений; театр, во все времена пытавшийся расширить те рамки, в которых он некогда родился. Как он живет сегодня и в чем видит смысл существования в эпоху, когда слишком многие ценности подменены и заменены? Об этом и о многом другом говорит главный режиссер Борис Морозов.

— Время летит очень быстро. Кажется, совсем недавно было 70-летие театра, а вот уже приходится думать о том, что скоро 75-летие. Но дело не в датах, а в том, как идет сам процесс нашей выживаемости, нашей жизни. Очень трудно. Ты сама говоришь о том, что это не просто театр, а государство в театральном государстве: есть Большая сцена, Малая сцена, только по названию Малая, потому что зрительный зал, рассчитанный на 500 человек, это нормальный театр в сегодняшнем понятии. Прежде всего, наша жизнь — это спектакли, которые есть и должны быть в репертуаре. Главная наша работа еще от завершения далека — это «Севастопольский марш», инсценировка «Севастопольских рассказов» Толстого. Два года назад возник у меня замысел, потом очень непросто рождалась инсценировка, поскольку «Севастопольские рассказы» трудно, почти невозможно объять неким театральным приемом, и я благодарен судьбе за встречу с драматургом из Санкт-Петербурга Натасей Скороход, она, как мне кажется, замечательно интересно организовала этот огромный материал в пьесу. Но не жесткую, заданную, а позволяющую наполнять содержание. Я опираюсь на конкретный свой опыт, например, такого спектакля, как «И аз воздам» в Малом театре, когда движение, рождение спектакля происходит во время репетиций. Но начать надо было даже не с пьесы, а с прекрасной музыки Петрова. Она настолько замечательна, что актеры, уходя с репетиции, напевают мелодии — значит, все живет. В этом есть ощущение влюбленности артистов в материал. Хотя спектакль очень непростой, мы идем по первопутку. Я понимаю, мы вписываемся в очень интересный период театральной жизни, когда появляются «Метро», «Дракула», «Норд-Ост», «Notre Dame de Paris», «Чикаго», а мы — с «Рубкой леса». Мы входим в это пространство, но что мы с собой принесем? Оставим ли первенство в открытии каких-то новых жанров? Или лучше и не пытаться соревноваться, а найти свое ощущение театра? Ведь есть славная и мощная традиция Театра Армии, заложенная такими спектаклями, как «Давным-давно», «Раскинулось море широко», «Ринальдо идет в бой», да тот же «Учитель танцев». Есть традиция этого театра и она должна быть продолжена сегодня. Но как? Я очень рад встрече с Андреем Петровым, с художником Владимиром Арефьевым, предлагающим мне неожиданные ходы, неожиданный процесс работы над спектаклем. У нас есть уже даже раскадровка сцена, что для меня очень необычно. Алена Сидорина, художник по костюмам, уже принесла свои предложения. Это все дает мощное чувство надежды, но, с другой стороны, понимаешь: многое на том этапе работы, на каком мы находимся, зависит от финансовых возможностей. Мы ничего не сможем сделать, если не найдем деньги. Это одна из самых острых и болезненных для нас проблем. Необходимо обеспечить свет, звук. Вроде бы все готово, но как обеспечить это, чтобы не идти по привычному пути удешевления то одного, то другого?

— Конечно, этого хорошо бы не допустить, потому что сама идея сценического воплощения «Севастопольских рассказов» в наше время — необычайно мощная. К тому же, в театре, традиционно связанном с эпическими постановками, уже очень давно не было ничего подобного.

— Конечно, я едва ли не в первую очередь поэтому и задумался об этой работе. «Севастопольские рассказы» несут в себе сегодня веру, истину служения слову. Отечеству — это одна из самых главных тем для меня. И патриотизма, как бы немодно это слово ни прозвучало. Так сложилось, что в конце мая-начале июня я впервые в жизни оказался в Севастополе. Я ездил к нашим друзьям на 70-летие Театра Черноморского флота. Естественно, воспользовался этой поездкой, чтобы пешком пройти все места, описанные Тол-

стым. И когда ты проходишь все эти редуты и батареи, смотришь на них, — это входит в тебя совершенно по-другому, и рождается мощный импульс. Сложность работы состоит еще и в том, что инсценировка не предполагает каких-то масштабных ролей, это проверка театра на понятие ансамблевости, команды, единомыслия. Сегодня это тоже очень непросто, я болезненно отношусь к тому, что дорогие для меня актеры уходят в театры, где больше платят, и в этой атмосфере создается ощущение команды, когда интерес зрителей сосредоточен на ансамбле, очень непросто и очень важно. Время меняет определения, и важно, чтобы наш театр отстоял свою сущность, сущность театра, который призван говорить о служении отчизне, о патриотизме. И жив он будет только тогда, когда Большая сцена будет слышать премьерное дыхание, напряжение, волнение.

— Но, насколько я знаю, при всей масштабности замысла «Севастопольского марша», в театре идет работа и над другими спектаклями?

— Да, уже в октябре можно будет увидеть первую премьеру — спектакль «Арфа приветствия» в постановке Александра Бурдонского с Алиной Покровской в главной роли. Мы ставим «Позднюю любовь» Островского с Николаем Пастуховым. Артисту в этом сезоне исполнится 80 лет, он очень любит эту пьесу, живет ею. А на Малой сцене режиссер Андрей Вадулин репетирует спектакль для детей. Пригласили мы очень, на мой взгляд, интересного молодого режиссера, Александра Огарева, поставившего в РАМТе «Стеклянный зверинец», мы еще только знакомимся, но он начинает уже работу над постановкой комедии 30-х годов «Чужой ребенок». Мне кажется, может получиться очень хоро-

шая, ностальгическая работа, потому что материал В.Шкваркина дает возможность подпитаться какой-то чистотой, наивностью, которых мы все сегодня лишены. Приглашение молодых режиссеров — тоже традиция театра. Здесь делали свои первые шаги Борис Львов-Анохин, Леонид Хейфец, Михаил Левитин, Александр Бурдонский. Мой первый дом именно здесь, и я считаю, что традицию необходимо продолжать. Да, у всех потом судьба складывалась по-разному, кто-то состоялся, кто-то не до конца состоялся, но некая добрая протянутая рука к молодому поколению и артистов и режиссеров — и есть сохранение традиции.

— Это всегда было традицией «дома Поповых», поэтому мне особенно дорого воспоминание о вечере, посвященном 100-летию Алексея Дмитриевича, который проходил в театре так торжественно и трогательно в марте. Было какое-то очень живое и трепетное поддержание огня в очаге.

— Конечно, это для меня безумно важно! И не только молодежи необходимо внимание, но и артистам старшего поколения. Вот сейчас Юлий Гусман задумал постановку «Человека из Ла-Манчи» для Владимира Михайловича Зельдина; надо ли говорить, насколько важно для всех нас сохранение в труппе в активной творческой деятельности такого мастера?

— Насколько я знаю, кроме Толстого, ты параллельно работаешь еще над одним спектаклем?

— Да, я позволил себе распределиться и в параллельную работу — это «Стакан воды» Скриба. Потянуло меня на камерную пьесу. Работу я хочу начать в ноябре, потому что в октябре у меня премьера в Театре Сатиры, где я ставлю «Таланты и поклонники». Мне

эти параллели оказались необходимы, потому что по всей театральной природе работа над мощным эпическим произведением, как выяснилось, требует какой-то внутренней перестройки, отвлечения. И одно другому, как оказывается, помогает. Очень важная сторона нашей жизни в том еще, чтобы не утратить связь поколений. У нас работает мощное поколение, пришедшее в 60-х годах: Покровская, Голубкина, Чурсина, Крынкин, Чеханков, позже появились Богданова, Михайлушкин, потом пришел Назаров... Сказал бы о Плотникове, но он ушел во МХАТ, и это для меня острая боль. Есть и замечательные молодые артисты, они сейчас очень сильно заявили о себе в театре: это Татарова, Кабо, Лазарев, Аристов, Егоров, Разбегаев, Бусыгина. Сезон, который мы начинаем, очень ответственный для меня, потому что впервые порог театра переступят мои студенты, они уже распределены и в «Севастопольский марш», и играют в нашей последней премьере «Вишневый садик». Когда-то мудрый, потрясающий Андрей Алексеевич Попов разрешил мне сделать в Театре имени Станиславского спектакль «Брысь, костлявая, брысь!..» со студентами третьего курса, соединив их с Сатановским, Виторганом, Никишичиной, Гребенщиковым. Андрей Алексеевич не побоялся! И я сегодня думаю: так и должно быть!..

— Кстати, близится юбилей Андрея Алексеевича...

— Да, и в середине сезона мы непременно отметим этот юбилей. Планируем провести чтения, посвященные Попову, может быть, и торжественный вечер. Ему исполнилось бы 85 лет и 20 лет, как он ушел от нас. Может быть, это будет такой же «круглый стол» ведущих театроведов и обязательно наших старейших артистов, ведь нам очень важно передать память о нем молодым. О его сущности, актерской и человеческой.

— А.А. достоин лучших слов именно от молодежи, вы все, Анатолий Васильев, Иосиф Райхельгауз, Борис Морозов у него начинали, и те первые ваши спектакли помнятся по сей день. А как он рисковал, если вдуматься.

— А как он доверял? Он никогда не давил, всегда все обсуждал, но решение оставлял за тобой. Не было за все годы, которые судьба мне с ним подарила, его давления, он бережно вел, а потом отпускал. И в этом было высшее доверие.

— А ты также относишься к своим молодым?

— Я стараюсь. Кроме А.А., у меня есть еще один пример — Андрей Александрович Гончаров. Он же дал мне поставить «Смотрите, кто пришел!..». И хотя по темпераменту Гончаров был совсем другим человеком, он никогда не позволял себе давить, влезать в режиссуру. И я так стараюсь.

— И последнее, о чем хотелось спросить. Не так давно ты стал Председателем комиссии по драматическим театрам Союза театральных деятелей России. Имея такой громадный театр, не побоялся взвалить на себя еще одну ношу. Как и что ты собираешься делать в этом качестве?

— Никаких рецептов у меня нет, понимаю, что вхожу в одну из самых воспаленных зон нашей театральной жизни. Как жить? Где взять деньги? Как соотносить свой творческий взгляд со своими возможностями? Подчас на меня находит такая тоска! Я чувствую, что жизнь не то, чтобы убивает, но отодвигает очень дорогое для меня понятие театра-дома, театра-семьи. Как и институт главных режиссеров. Молодежь сегодня не хочет идти в главные режиссеры, потому что это слишком хлопотно, куда проще поставить спектакль, получить за него деньги и уйти в следующий театр. При такой постановке вопроса, зачем мне думать о «Севастопольском марше», где 56 персонажей? Я поставлю камерный спектакль, думая только о нем, ни за что в театре не отвечая, ни о чем не сокрушаясь. Таким образом деформируется природа театра. Как, на мой взгляд, происходит это в Театре оперетты. Ну, «Метро» рождено внутри, а другие спектакли? Билеты не достать, жизнь бьет ключом, но ведь тот, прежний театр уходит. Обо всем этом надо думать. Программы, повторяю, у меня нет, но я твердо знаю, чего я хочу. У меня есть идея сохранить то дорогое, что есть в театре XX века. К счастью, не для одного меня дорогое. Ну, а чтобы сохранить, надо работать.

Беседовала
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Морозов Борис

11.09.02, 09.02